

Л.М. Борисенкова

Смоленский гуманитарный университет, г. Смоленск

L.M. Borisenkova

Smolensk Humanitarian University, Smolensk

ЧАСТИ РЕЧИ В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ PARTS OF SPEECH WITHIN THE COGNITIVE SCOPE

Ключевые слова: части речи, когнитивная лингвистика, категория, прототип, кластер признаков, интегральные и дифференциальные признаки

Keywords: parts of speech, cognitive linguistics, category, prototype, cluster of features, integral and differential features

Предмет данной статьи – части речи в когнитивном рассмотрении. На основе кластера интегральных признаков, универсальных для европейских языков, три основных знаменательных части речи представлены как естественная, прототипическая, кластерная мегакатегория, гармонично, непротиворечиво отражающая и интерпретирующая объекты окружающей действительности. С помощью кластера дифференциальных признаков названная мегакатегория делится на предметную и две сопутствующие ей признаковые категории: адъективную и вербальную. В терминах частей речи приведенным категориям соответствуют существительное, а также прилагательное и глагол.

The subject of this article is parts of speech within cognitive scope. On the basis of cluster integral signs universal for European languages, three significant parts of speech are presented as natural, prototypal, cluster megacategory, harmoniously, consistently showing and interpreting objects of reality. By dint of the cluster of differential signs named megacategory it is divided into substantive and two related attributive categories: adjectival and verbal. In terms of the parts of speech given categories correspond to the noun, adjective and verb.

Части речи – одна из наиболее важных и дискуссионных лингвистических категорий, имеющая многолетнюю традицию своего развития (Виноградов, 1975; Кубрякова, 1977; 1978; 2004; Степанова, Хельбиг, 1978 и др.).

Классические теории частей речи при членении языкового корпуса и систематизации полученных сегментов исходили из различных критериев, как семантических, так и формальных, имели свои несомненные достоинства и – постоянно – один и тот же недостаток: *наличие большого количества исключений, нарушавших стройность системы и ее убедительность*. Иначе и не могло быть, так как все бесконечное многообразие мира, отраженное в классах частей речи, рассматривалось в русле аристотелевых категорий. Возникало неразрешимое противоречие между естественной онтологией

мира и четкой логикой категории в ее классическом понимании, отторгающей любые, даже незначительные отклонения от эталонного члена категории.

Компромиссный и продуктивный с нашей точки зрения выход, позволивший снять указанное противоречие, найден в когнитивной лингвистике, где части речи считаются «естественной», **прототипической**, категорией, с отсутствием четких границ между ее соседними членами. Таким образом, сделан важный шаг на пути исследования частей речи, всегда представлявших собой большую лингвистическую проблему: *части речи как «естественная» категория приведены в соответствие с онтологией мира, отражаемой ими.* «Структура того, что существует, тесно связана с тем, что мы можем знать о действительности» (Дейк Т. А. Ван, 1989: 82), и, добавим, с тем, что мы называем словом: т.е. члены цепочки «фрагмент окружающей действительности – знание фрагмента окружающей действительности – языковой коррелят знания фрагмента окружающей действительности» *изоморфны.*

Три наиболее значимые для познания и коммуникации «естественные» части речи: существительное, глагол и прилагательное – призваны обозначать «свои» фрагменты действительности, интериоризованные сознанием познающего человека, соответственно – предметный объект, события, происходящие с ним, состояния, в которых он находится, его качества и свойства.

Материальный, перцептивно воспринимаемый предмет, обозначаемый именем существительным, – объективная, фиксированная в пространстве и времени опора, основа опытного познания человеком внешнего мира. На признаки предметного объекта, статические или динамические, указывают имя прилагательное или глагол, которые уже традиционно считаются признаковыми частями речи (Борисенкова, 1984; Касевич, Храковский, 1983; Кубрякова, 1978; Минина, 1975; Уфимцева, 1975 и др.).

Предметная референция имени существительного и тесно связанная с ней признаковая отнесенность прилагательного и глагола представляют собой сегодня один из важнейших онтологизированных постулатов когнитивной лингвистики. В процессе коммуникации все три части речи способны как объективировать информацию, так и служить сигналом для извлечения из сознания слушающего соответствующих структур знания.

Существенную роль в выделении частей речи на новых основаниях сыграла *теория прототипов или лучших представителей класса* (Э. Бейтс, Дж. Лакофф и др.), основанная на принципе фамильного сходства Л. фон Витгенштейна: при попарном сравнении членов класса они имеют общие черты, «похожи» друг на друга, как члены семьи, не будучи полностью идентичными. Прототипические представители класса, имеющие наиболее полный набор признаков и считающиеся поэтому его «лучшими» представителями, образуют его ядро; остальные члены класса, которые не имеют ряда прототипических признаков, относятся к его периферии. *Прототипичность как свойство категории с полным на то основанием*

считается одним из наиболее плодотворных положений когнитивной науки (Бейтс, 1984; Лакофф 1988 и др.).

Теория прототипов – это инструмент, незаменимый при исследовании естественной категории, какой современная когнитивная лингвистика считает язык. При использовании прототипического подхода ядром класса существительных является жесткий десигнатор, конкретное, нарицательное имя существительное, обозначающее чувственно воспринимаемый предметный объект, представляющий собой для человека опору в процессе познания им мира. Абстрактное существительное, номинация понятия о признаке объекта окружающей действительности, периферийно. Граничащее с ним, прототипическое для своей категории прилагательное, – это принятое в когнитивной лингвистике обозначение стабильного признака объекта. Но признак может быть и сиюминутным, преходящим – в этом случае имя прилагательное имеет периферийный характер. Относительно прототипа глагольного класса среди лингвистов нет единства мнений: это и глагол действия (классическое представление), и глагол движения (современная точка зрения) – тогда периферийные глаголы должны обозначать процесс или статальность.

Н.Хомский, стоявший у истоков когнитивной лингвистики, полагал, что дело науки – строить разумные предположения о том, из чего состоит языковое знание. *Нахождение критериев выделения частей речи как научной категории и их концептуальное обоснование – одна из насущных задач когнитивной лингвистики, возможные пути решения которой мы предлагаем в данной статье.*

В основе выделения любой научной категории лежит пучок признаков, позволяющих идентифицировать члены категории по их совместной принадлежности к категории (интегральные признаки), а также различать их по месту, статусу внутри категории (дифференциальные признаки).

Предметные объекты и их признаки, статические и динамические, объективно существуют в «мире как он есть», объединяемые неким общим для всего сущего знаменателем. На ментальном уровне это общее превращается в *совокупность интегральных признаков, универсальных для европейских языков*, на основе которых можно выделить *признаки дифференциальные*, характеризующие специфику предметов, их свойств и отношений.

Кластер интегральных признаков позволяет выделить мегакатегорию частей речи как таковую; кластеры дифференциальных признаков, универсальных для европейских языков, дают основание подразделить ее на три «естественные» части речи: существительное, прилагательное и глагол. Таким образом, *совокупности универсальных интегральных и дифференциальных признаков, объединяющие в себе общее и различное – когнитивная основа выделения основных частей речи.*

В данной статье рассматриваются базовые интегральные и дифференциальные признаки, лежащие в основе знаменательных частей речи в европейских языках. Признаки важны не как интериоризованные

составляющие кластера признаков, а как ингерентные составляющие воспринимаемых целостностей, позволяющие выделить во всем сущем общее – отнести все, воспринимаемое перцептивно, к *мегакатегории знаменательных частей речи*, и категоризовать действительность далее, т.е. найти в выделенном общем различия, подразделив на их основе выделенную мегакатегорию на предметную, субстантивную, и две признаковые, адъективную и глагольную категории, указывающие соответственно на статический, стабильный, и динамический, процессуальный, признаки. Названные категории, которым присущи соответствующие интериоризованные онтологические признаки (интегральные и дифференциальные), и представляют собой **когнитивную основу знаменательных частей речи**.

И мегакатегория знаменательных частей речи, и категории – предметная и признаковая, выделенные на основе кластера интегральных и дифференциальных признаков, – это первичные, таксономические, в понимании М.В. Никитина, классификации, которые «максимально информативны и прогностичны, т.е. имплицитуют и предвосхищают максимально широкий объем возможных признаков у вещей данного класса сверх тех, что заложены в основание классификации. Таксономические классификации следуют за миром и стремятся вскрыть те членения, которые существуют в нем до того, как приступают к классификации. В этом случае которые обеспечивают его природное единство как органичного элемента целостного мира» (Никитин, 2004: 55).

Универсальные признаки – как интегральные, так и дифференциальные – определены инферентным путем на основе дедукции, считающейся в зарубежной когнитологии когнитивным методом исследования (Schwarz, 1996). Эти признаки в зависимости от специфики выделенного частеречного класса могут иметь различный статус: базовый (глубинный, выявляемый лишь рефлексивным путем), или классовый. Классовые, сильные, признаки, *воспринимаются* человеком – тем отчетливее, чем прототипичнее концепт, содержащий их – имеют небольшую «глубину залегания» в семантической структуре, могут быть легко извлечены и вербализованы. Базовые признаки имплицитны, так как они представляют собой часть глубинной семантической структуры.

Согласно взглядам Р. Лангакера, наше построение ментального мира начинается с «регистрации опыта», получаемого в рамках «базовых областей» (basic domains), от которых мы затем переходим к более высоким уровням концептуальной организации (Langacker, 1988). К базовым областям он относит среди немногих других пространство и время (Langacker, 1987; Langacker, 1988), представляющие собой объективную данность, универсальные базовые категории, не сводимые ни к каким другим. Вне пространства и времени не существует ничто. Поэтому когнитология, уделяющая большое внимание онтологическому обоснованию языковых явлений, не может пройти мимо них. Но лингвиста-когнитолога интересует не абсолютное пространство Ньютона, холодное и безжизненное,

не учитывающее присутствия человека, а пространство Лейбница, одушевленное присутствием человека, как и время, в котором он живет, которое течет для него.

Очень точно выделила общее в пространстве и времени Н.Д. Арутюнова: «Обращение к «тройственному союзу» Начала, Конца и Целого ставит проблему *взаимодействия темпоральных и пространственных категорий в процессе концептуализации действительности* (выделено мной – Л.Б.)» (Арутюнова, 2002: 4). Пространство и время, их взаимодействие и их роль в жизни человека – проблема, занимающая лучшие умы человечества на протяжении многих веков. Так, более сотни лет назад Т. Манн устами своего героя задавал волнующие его вопросы: «Время – это функция пространства? Или наоборот? Или они идентичны?» (Mann, 1981, S. 484).

Но обе стороны этого единства, и пространство, и время, имеют настолько отчетливое своеобразие, что это дает повод говорить о каждом измерении скорее по отдельности.

При сравнении обеих категорий обращает на себя внимание специфика их восприятия: пространство легко воспринимается визуально, и Наблюдатель может менять свое положение в нем; время становится заметным лишь *post factum*, по оставленным им следам; Наблюдатель не волен перемещаться во времени по своему усмотрению. Эти различия тонко подмечены современным композитором и поэтом Глебом Сидельниковым: «Не смог остановить я время – пространство смог остановить».

Логическим следствием восприятия и осмысления человеком континуума окружающей действительности является его упорядочение, то есть его категоризация. Универсальные категории «пространство» и «время» превращаются в «**локативность**» и «**темпоральность**», базовые когнитивные признаки, которые не сводятся к более простым. Это универсальные *интегральные* признаки, *свойственные всем без исключения концептам* вне зависимости от особенностей онтологии объектов, воспринимаемых сознанием.

Познание по своей природе антропоморфно. Язык – гениальное коллективное создание человечества, незаменимый инструмент для достижения им своих целей. Все, что отражено в языке, пропущено сквозь призму видения человека, познающего субъекта, подверглось его интерпретации. Тот факт, что пространство и время превращаются в когнитивные признаки лишь при их восприятии и осмыслении человеком, познающим субъектом, позволяет предположить, что кроме двух базовых признаков локативности и темпоральности существует третий – **признак антропоморфности**, также являющийся *интегральным*, т.е. присущим всем концептам без исключения. *Антропоморфный объект – объект любой онтологии, каким его видит человек* в силу законов своего восприятия.

При категоризации объектов или явлений окружающего нас мира базовые признаки «локативность», «темпоральность» и «антропоморфность» превращаются в универсальные интегральные семантические составляющие концептов. В процессе познания мира, при концептуализации его любого

объекта или явления все три признака тесно переплетаются и взаимодействуют, принимая участие в формировании значения объекта.

Таким образом, в ментальных репрезентациях любых сущностей из мира «как он есть» кластеры интегральных признаков представлены в полном объеме, отражая то общее, что объединяет все сущее: людей, натурфакты и артефакты, их качества и свойства, движение, в которое они вовлечены, действия, выполняемые ими или по отношению к ним, процессы, происходящие с ними, состояния, в которых они находятся. Это **общее во всем сущем является основанием для выделения мегакатегории частей речи.**

Кластерные расхождения между концептами разной онтологии, явно намечившиеся уже в сфере интегральных признаков, усиливаются дальше, когда речь идет о признаках дифференциальных, благодаря которым возможно дальнейшее деление мегакатегории частей речи на основные, знаменательные части речи.

Все, существующее в этом мире, может быть представлено на оси «пространство – время» (Арутюнова, 1999) через призму видения познающего субъекта.

Временные отношения между объектами находят свое отражение в действиях, вербализуемых глаголами. Глагол именуется собой «активный, переменный, временной признак» объекта (Минина 1975: 49), тяготеющий к временному полюсу оси «пространство – время». Сущностный параметр глагола – фазовость. «Отличительной чертой действий и процессов можно считать то, что они существуют пофазно, т.е. в каждый отдельный момент времени существует только отдельная фаза развития действия или процесса, а не действие, процесс в целом ... одна фаза непрерывно переходит в другую, т.е. *действие и процесс получают свою целостность лишь в рамках всего того отрезка, пока они имеют место* (выделено мной – Л.Б.). По этому признаку они отличаются от предметов и свойств, которые мыслятся как существующие в каждый момент времени в целом» (Семантические типы предикатов, 1982: 94).

Но, следует заметить, что признак фазовости, неприменимый по отношению к концептам, указывающим на предмет или его стабильные свойства, как чуждый их природе, вполне адекватен, когда речь идет о концептах состояния. В этом случае признак фазовости имеет особенность: состояние представляется не пофазно, а как фаза покоя между двумя процессами, действиями или актами двигательной активности. Параметры фазовости процесса/действия/движения и **переменности** признака познаваемого объекта как когнитивного феномена, вербализуемого глаголом, *теснейшим образом взаимосвязаны.*

С нашей точки зрения, названные Н.М. Мининой когнитивные характеристики глагола как номинации признака (активный, переменный, временной) свойственны различным таксономическим классам глаголов в разной степени. *Все глаголы* вне зависимости от их принадлежности к определенному классу именуется *временной* признак, поскольку

темпоральность – интегральный признак, свойственный объекту любой онтологии. Но когнитивная характеристика статальных глаголов, обозначающих состояние, одним лишь временным признаком и ограничивается: *stehen, sitzen, liegen* и т. п.

Содержание глаголов, называющих процесс, шире: это признак не только временной, но и переменный: *leben, wachsen* и т.п. И, наконец, *агентивные* глаголы-номинации действия и движения, представляющие наиболее многочисленные таксономические классы глаголов (*machen, fahren* и т.д.), характеризуются полным спектром когнитивных характеристик: они именуют признак временной, переменный и **активный**. Следует отметить, что параметр активности в различных таксономических подклассах глаголов действия и движения представлен неоднородно, но обычный здравый смысл подсказывает, что в наиболее высокой степени он, как и признак «переменный», характерен для антропонимичных глаголов движения: *sich bewegen, gehen, fahren*. Мы считаем, что степень проявления обоих дифференциальных признаков прямо пропорционально связана с такой онтологической характеристикой движения, как его темп.

Признак, с точки зрения Н.М. Мининой, «неактивный, постоянный, вневременной» называет имя прилагательное. Для него нехарактерен параметр фазовости, а, следовательно, и переменности признака. Соглашаясь с тем, что прилагательное обозначает неактивный признак, мы считаем, тем не менее, что он может быть не *вневременным*, а лишь **относительно постоянным**; по этой причине мы не можем согласиться с распространенным тезисом о принципиальной атемпоральности прилагательных. Любая предметная сущность состоит из материи и пучка признаков, организующих ее и *изменяющихся во времени*. Меняются признаки – меняется предмет, т.е. и материя, из которой предмет состоит. Исчезают признаки – исчезает материальный предмет, находящийся в пространстве, как таковой *в своем прежнем качестве*, т.е. *вневременной не может быть и материя как носитель признаков*. «Течение времени безначально и бесконечно, но *все, что происходит во времени, конечно* (выделено мной – Л.Б.), то есть имеет временные границы» (Арутюнова 2002: 8).

В качестве подтверждения достоверности признака «относительно постоянный», выделенного для предметного концепта, а, следовательно, и для концепта его признака, уместна цитата из работы Т. Гивона: «То, с чем мы сталкиваемся в языках, – это континуум стабильности во времени. Самые стабильные во времени объекты, те, которые медленно изменяются во времени, те, которые в терминах их свойств скорее остаются идентичными себе, лексикализуются в виде существительных (Givon, 1979: 321).

Универсальные альтернативные признаки «относительно постоянный»/«переменный» и «активный»/«неактивный», как и вышеприведенные интегральные признаки, **свойственны всем без исключения объектам окружающей действительности**, но как **признаки дифференциальные**. Они могут быть, как и интегральные, базовыми,

латентными, входящими в глубинную семантическую структуру, или классовыми. *Дифференциальные признаки позволяют различать категории концептов согласно их онтологии, и в первую очередь продолжить частеречную категоризацию, начатую на основе интегральных признаков.*

Дальнейшее членение, субкатегоризация каждой части речи – в основном средствами словообразовательной концептуализации – возможна при расширении диапазона универсальных дифференциальных признаков за счет *дополнительных классовых и субклассовых признаков*. Для каждого конкретного концепта кластер признаков может быть расширен за счет *дифференциальных индивидуальных признаков*, что позволяет выявить положение каждого концепта внутри соответствующей субкатегории (прототип vs. периферия).

Подведем итог сказанному о кластерах признаков, представляющих собой когнитивную основу выделения основных частей речи: «Подобно тому, как звучит музыкальный аккорд, – слитно, едино, целостно, хотя он и «складывается» из конечного числа отдельных звуков и может быть разделен на свои составляющие, существует кластерный набор каждой отдельной части речи» (Кубрякова, 2004: 179). Становление новой концепции частей речи стало возможным, так как она учитывает концептуальные и функциональные свойства частеречных классов слов, а также их прототипический характер, органично соответствующий членению отражаемого мира без жестких границ, в естественном богатстве характеристик.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка // Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – 424 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предисловие // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. – М.: Наука, 2002. – С. 4 - 11.
3. Бейтс, Э. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика. – М., 1984. – С. 50 - 102.
4. Борисенкова Л.М. Семантическая структура и коммуникативные функции. девербативов, деадъективов и морфологически родственных им композитов (на материале немецкого языка): дисс. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук. – М., 1984. – 159 с.
5. Виноградов В.В. Словообразование и его отношение к грамматике (на материале русского и родственных языков) // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. – М., 1975 – С. 166 - 220.
6. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
7. Касевич В.Б., Храковский, В.С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. – Л.: Наука, 1983. – С. 5 - 27.
8. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222 - 302.

9. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12 - 52.
12. Минина Н.М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. – М., 1975. – 426 с.
13. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53 - 64.
14. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
15. Степанова М.Д., Хельбиг, Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высшая школа, 1978. – 258 с.
16. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 5 - 85
17. Givon T. On understanding grammar. – N.Y.: Academic Press, 1979. – 379 p.
18. Langacker R.W. An overview of cognitive grammar// Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn. – Leiden, 1988. – P. 3 - 48.
19. Langacker R.W. Foundation of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford, 1987. – 516 p.
20. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2. Auflage. – Tübingen : Francke Verlag, 1996. – 219 S.

Источники примеров

1. Mann Th. Der Zauberberg. – Frankfurt am Main, 1981. – 1071 S.

References

1. Arutyunova N.D. Logical analysis of language // The image of man in culture and language. – М.: Indrikis, 1999. – 424 p.
2. Arutyunova N.D. Preface // Logical Analysis of Language: Semantics beginning and end. – Moscow: Nauka, 2002. – p. 4-11.
3. Bates E. Intention, conventions and symbols // Psycholinguistics. – М., 1984. – p. 50-102.
4. Borisenkova L.M. Semantic structure and communicative functions of deverbativs, deadjektivs and their morphologically related composites (on the German language): diss. ... Cand. Phil. Sciences. – М., 1984. – 159 p.
5. Vinogradov V.V. Word formation and its relation to grammar (based on Russian and related languages) // Selected Works. Studies in Russian grammar. – М., 1975 – p. 166-220.
6. Van Dijk T.A. Language. Cognition. Communication. – Moscow: Progress Publishers, 1989. – 312 p.

7. Kasevich V.B., Hrakovsky V.S. Constructions with predicative actants. Problem of semantics // Categories of verb and sentence structure. – Leningrad: Nauka, 1983. – p. 5-27.
8. Kubryakova E.S. Theory of nomination and word formation // Language nomination. Types of items. – Moscow: Nauka, 1977. – p. 222-302.
9. Kubryakova E.S. Parts of speech in onomasiological coverage. - Moscow: Nauka, 1978. - 114.
10. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the way of learning the language: the parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world. – Moscow: Languages of Slavonic Culture 2004. – 555 p.
11. Lakoff G. Thinking in the mirror of classifiers // New in foreign linguistics. Issue XXIII. Cognitive aspects of language. – Moscow: Progress Publishers, 1988. – p. 12-52.
12. Minina N.M. Lexical and semantic verbal system of modern German: dis. ... Cand. of Phil. Sciences. – M., 1975. – 426 p.
13. Nikitin M.V. Detailed abstracts of concepts // Issues of cognitive linguistics. – 2004. – №1. – p. 53-64.
14. Semantic types of predicates. – Moscow: Nauka, 1982. – 365 p.
15. Stepanova M.D., Helbig G. Parts of Speech and the problem of valence in modern German language. – Moscow: Higher School, 1978. – 258 p.
16. Ufimtseva A.A. Lexical nomination (primary neutral) // Language nomination. Types of items. – Moscow: Nauka, 1977. – p. 5-85
17. Givon T. On understanding grammar. – N.Y.: Academic Press, 1979. – 379 p.
18. Langacker R.W. An overview of cognitive grammar // Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn. – Leiden, 1988. – p. 3-48.
19. Langacker R.W. Foundation of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. – Stanford, 1987. – 516 p.
20. Schwarz M. Introduction to Cognitive Linguistics. – 2 Edition. – Tübingen: Francke Verlag, 1996. – 219 p.

Sources of examples

1. Mann Th. The Magic Mountain. – Frankfurt am Main, 1981. – 1071 p.

(0.6 п.л.)